

СТИВЕН

КРИСТИНА

КИНГ

Annotation

Кристина — не женщина, но Эрн Каннингем любит ее до безумия. Кристина — не женщина, но подруга Эрн с первого взгляда понимает, что это ее соперница. Кристина — не женщина, но родители Эрн вынуждены делить с ней сына...

Стивен Кинг

Кристина

Вы можете сказать, что это история любовного треугольника — Эрни Каннингейма, Ли Кэйбот и, само собой разумеется, Кристины. Но я хочу, чтобы вы поняли: Кристина была сначала.

Она была первой любовью Эрни, и, хотя я предпочитаю не говорить наверняка (совсем не с высоты житейской мудрости, которой достиг к двадцати двум годам), мне кажется, что она была единственной настоящей любовью Эрни. Поэтому то, что произошло, я называю трагедией.

Мы с Эрни выросли в одном квартале, вместе ходили в подготовительную и среднюю школы Либертивилла. И думаю, я был главной причиной того, что Эрни там не съели с потрохами.

Он был рохлей, если вы знаете таких типов. В каждой школе их бывает по крайней мере двое. Мужского пола и женского. Обоих не считают за людей. У тебя плохой день? Завалил контрольную? Поссорился с предками и весь уик-энд просидел дома?

Нет проблем. Только разыщи одного из этих изгоев, так и норвящих улизнуть из холла сразу после уроков, и подойди к нему. Иногда их на самом деле изводят — уничтожают во всех отношениях, кроме физического; иногда они находят что-нибудь, за что могут удержаться, и выживают. У Эрни был я. Потом у него была Кристина. Ли появилась позже всех.

Я только хотел, чтобы вы это поняли.

Эрни нигде не принимали. Его не принимали в компании и смеялись над ним, потому что он был долговязым — шесть футов при ста сорока фунтах со всем содержимым и парой здоровенных туристских бутсов. Его не принимали школьные интеллектуалы (сами безнадежные чужаки в таком месте, как Либертивилл), потому что он не имел специальности. Эрни был остроумен, но его мозги не были созданы для какой-нибудь одной вещи... если только ею не была автомобильная механика. Когда дело касалось машин, этот парень оказывался просто молодцом. Но его родители, которые оба преподавали в университете, не хотели и слышать о том, что их сын, получавший стипендию за успеваемость, может учиться на автомеханика. Правда, потом они все-таки разрешили ему окончить профессиональные курсы I, II и III класса, но с тех пор его семейные отношения почти разладились. Его не принимали те, кто увлекался наркотиками, потому что он не курил. Его не принимали ни в одну уличную команду, потому что он не умел пить, а если вы его ударяли достаточно сильно, то он плакал.

О да, его не принимали и девчонки. Его железы были одержимы каким-то буйным помешательством. Я хочу сказать, что Эрни буквально цвел прыщами. Он мыл лицо, наверное, пять раз в день, принимал по меньшей мере две дюжины душей в неделю и перепробовал все кремы и патентованные средства, известные современной науке. Ничего не помогало. Лицо Эрни было, как обсыпная пицца, и он уже собирался смириться с тем, что таким оно останется на всю жизнь.

Но мне он все равно нравился. У него было хорошее чувство юмора, и его голова умела придумывать всякие забавные шутки и развлечения. Это Эрни научил меня строить муравьиные лагеря, когда мне было семь лет, и тогда мы целое лето занимались тем, что

наблюдали за этими маленькими педиками, зачарованные их усердием и убийственной серьезностью. Это Эрни предложил, когда нам было по десять лет, однажды ночью набрать на конюшне сухих конских яблок и насыпать их под статую каменной лошади, стоявшую на лужайке перед мотелем «Либертивилл», как раз у дороги в Монроэвилл. Эрни первым узнал о шахматах. Он первым узнал о покере. В дождливые дни, до той поры, когда я первый раз влюбился, мои мысли прежде всего обращались к Эрни, потому что он знал, как извлечь толк из дождливых дней. Может быть, это один из способов узнать по-настоящему одиноких людей... они всегда могут придумать, чем заняться в дождливые дни. И вы всегда можете позвать их. Они всегда дома. Всегда.

Со своей стороны, я научил его плавать. За год до окончания школы я устроил его на дорожные работы — из-за них мы здорово поругались с его родителями, которых ужасала мысль, что у их одаренного сына (не забывайте про стипендию) будут перепачканные руки и красная шея.

К концу тех летних каникул Эрни впервые увидел Кристину и влюбился в нее. В этот день я был с ним — мы возвращались вдвоем с работы — и смогу подтвердить свои слова перед престолом всемогущего Бога, если меня попросят об этом. Брат мой, он пал, и пал очень крепко. Это было бы смешно, если бы не было так печально и если бы все не произошло так быстро. Это было бы смешно, если бы не было так плохо.

С чего же было так плохо?

Все было плохо с самого начала. И стремительно становилось все хуже и хуже.

Часть I

Дэннис — песенки тинэйджеров о машинах

1. Первый взгляд

*Эй, взгляни-ка вон туда!
Посмотри через дорогу!
Там стоит автомобиль,
сделанный как раз по мне...
Вот бы сесть в него, ребята,
в этот блеск-автомобиль!*

Эдди Кохран

— О Боже! — внезапно воскликнул мой друг Эрни Каннингем.

— Что такое? — спросил я.

Его глаза были готовы вылезти из очков, а шея вывернута так, словно была на шарнирах.

— Дэннис, останови машину! Вернись!

— Да что тебе...

— Вернись, я хочу еще раз взглянуть на нее!

Вдруг меня осенило.

— Ох, Эрни, только не это, — сказал я. — Если ты имеешь в виду ту... вещь, которую мы проехали...

— Вернись! — Он почти стонал.

Я вернулся, думая, что Эрни хочет сыграть со мной какую-то тонкую шутку. Но это было не так. На самом деле свершилось нечто ужасное. Эрни влюбился.

Она была прескверной шуткой, и я никогда не узнаю, что Эрни в ней увидел в тот день. Левую часть ее ветрового стекла опутывала паутина трещин. Задний бампер почти отвалился, а обивка выглядела так, словно над ней поработали с ножом. Хуже всего было то, что под двигателем чернела широкая лужа масла.

Эрни влюбился в «плимут-фурию» 1958 года выпуска — один из тех, с большими длинными плавниками. На правой части ветрового стекла желтел бумажный листок с надписью: «Продается».

— Дэннис, ты взгляни на ее линии! — прошептал Эрни. Он бегал вокруг машины, как одержимый.

— Эрни, ты меня разыгрываешь, да? — произнес я. — Или у тебя солнечный удар? Скажи, что ты перегрелся на солнце. Я отвезу тебя домой, уложу в постель, и мы обо всем забудем, ладно?

Однако я говорил без большой надежды. Он умел шутить, а сейчас был скорее похож на сумасшедшего, чем на шутника.

Ничего не ответив, он уселся на заднее сиденье. Двадцать лет назад оно было красным. Теперь вылиняло до бледно-розового.

Я набрал в легкие побольше воздуха и шумно выдохнул.

— Она выглядит так, словно русская армия прошла по ней на пути в Берлин, — сказал я.

Наконец он заметил, что я все еще был рядом.

— Да... немного побита. Но ее можно поправить... Просто она нуждается в уходе. Это настоящая красавица, Дэннис. Она еще...

— Эй вы, двое! Что вы там делаете?

На нас смотрел какой-то старикашка лет семидесяти. Может быть, меньше. Я сразу узнал в нем тот тип пижонов, который мне особенно отвратителен. Его длинные редкие волосы росли только с одной стороны. Правая часть черепа почти облысела от псориаза.

На нем были зеленые стариковские рейтузы и легкие кеды. Рубашки не было: вместо нее что-то обтягивало пояс наподобие женского корсета. Когда он подошел поближе, я увидел, что это был бандаж для укрепления спины. С первого взгляда можно было сказать, что он не менял его со времени смерти Линдона Джонсона.

— Чего вы тут забыли, ребята? — Голос у него был резкий и скрипучий.

— Сэр, это ваша машина? — спросил Эрни.

Дурацкий вопрос. «Плимут» был припаркован как раз на заросшей лужайке перед домом, из которого вышел старик.

— А если и так? — Старикашка вызывающе повысил тон.

— Я, — проглотил Эрни, — я хочу купить ее.

Глаза старого пижона сверкнули, а злое выражение лица сменилось плотоядной ухмылкой. Внезапно я почувствовал, что меня пробирает холод, — в какое-то мгновение я был готов схватить Эрни и утащить его куда-нибудь. Что-то мелькнуло в глазах старика. Не мысль — что-то за мыслью.

— Ну, я так и подумал, — произнес он и протянул Эрни руку. — Мое имя Лебэй. Ролланд Д. Лебэй. Отставной военный.

— Эрни Каннингем.

Обменявшись рукопожатием с Эрни, престарелый физкультурник небрежно кивнул в мою сторону. Я был вне игры, он вел мяч к воротам. Эрни мог с таким же успехом протянуть Лебэю свой бумажник.

— Сколько? — спросил Эрни. А затем сделал неожиданный финт. — Сколько бы вы ни запросили, все равно она стоит больше.

Вместо выдоха я испустил протяжный стон. К бумажнику прибавилась его чековая книжка.

Губы Лебэя дрогнули, а глаза подозрительно сузились. Полагаю, он оценивал вероятность того, что над ним хотят подшутить. Он поискал признаки коварства на открытом, выжидающем лице Эрни, а потом задал убийственно пронизательный вопрос:

— Сынок, а у тебя когда-нибудь была машина?

— У него — «мустанг-мах», вторая модель, — сказал я быстро. — Ему родители купили. Там коробка передач Херста, нагнетатель, и он может расплавить дорогу даже на первой скорости. Там...

— Нет, — сказал Эрни. — Я весной получил водительские права.

Лебэй бросил на меня сумасшедший взгляд, а потом все внимание сосредоточил на первоначальной мишени. Он засунул обе руки за пояс и расправил его. Я почувствовал запах пота.

— В армии повредил спину, — проговорил он. — Врачи так и не смогли ее вылечить. Если вас, ребята, кто-нибудь спросит, что неладно в этом мире, то смело называйте три вещи: врачи, начальство и черные радикалы. Нет ничего хуже врачей. Если вас спросят, кто вам это сказал, то можете сослаться на Ролланда Д. Лебэя. Да.

Он с любовью прикоснулся к обшарпанному капоту «плимута».

— Лучшая машина из всех, что у меня были. Я купил ее в сентябре пятьдесят седьмого. Лучшая модель того года. Тогда от нее пахло новеньким автомобилем, а это самый лучший

аромат в мире. — Он немного подумал. — Не считая запаха гнили.

Я осторожно посмотрел на старика, не зная, смеяться или нет. Он, казалось, ничего не замечал.

— Я носил хаки почти тридцать четыре года, — продолжал он, все еще поглаживая капот машины, — с шестнадцати лет. В двадцать третьем году пошел в армию и с тех пор успел наглотаться всякого дерьма. Во время второй мировой я видел, как у людей кишки вылезали из ушей. Это было во Франции. У них кишки вылезали из ушей. Ты веришь мне, сынок?

— Да, сэр, — нетерпеливо ответил Эрни. Не думаю, что он слышал Лебэя. — Что касается машины...

— Я надорвал спину весной пятьдесят седьмого, — невозмутимо продолжал старик. — В армии тогда было несладко. Комиссия мне дала полную непригодность, и я вернулся в Либертивилл. Через некоторое время я пошел в контору Нормана Кобба, торговавшую «плимутами», и купил эту машину. По моей просьбе ее покрасили в красный и белый цвета, как модель следующего года. Мне нравится красный цвет. Когда я впервые сел за ее руль, на счетчике было всего шесть миль. Вот так.

Он сплюнул.

Я взглянул на счетчик. Стекло было мутным, но я все-таки сумел разобрать цифры: 97,432.

И шесть десятых. Иисус бы заплакал.

— Если вы ее так любите, то зачем продаете? — спросил я.

Он как-то странно посмотрел на меня:

— Ты надо мной смеешься, сынок?

Я не ответил, но выдержал его взгляд.

После недолгого замешательства (которого Эрни не заметил: он любовно поглаживал плавники машины) старик ответил:

— Больше не могу управлять ею. Спина становится все хуже. И глаза тоже.

Внезапно я понял — или подумал, что понял. Если он ничего не напутал с годами, то сейчас ему был семьдесят один год. А после семидесяти в нашем штате не продлевали водительских прав, если вы не проходили тщательной проверки зрения. Лебэй не мог пройти освидетельствования и решил отказаться от «плимута». К тому же на такой развалюхе было опасно ездить с любым зрением.

— Сколько вы хотите за нее? — снова спросил Эрни. Ох, ему не терпелось покинуть этот мир.

Лебэй поднял лицо к небу, словно раздумывал, будет ли сегодня дождь. Затем опустил взгляд на Эрни и расплылся в улыбке, которая мне показалась такой же плотоядной, как и предыдущая ухмылка.

— Я бы попросил три сотни, — произнес он. — Но тебе, парень, я готов уступить за двести пятьдесят.

— О мой Бог, — сказал я.

Однако он знал, как вбить клин между мной и его жертвой. Как говорил мой дедушка, он не вчера вылез из стога сена.

— Ладно, — резко сказал он. — Если она не настолько нужна тебе, то я пошел смотреть «Край ночи». Тридцать четвертая серия. Никогда не пропускаю этого фильма. Приятно было поболтать с вами, ребята. Пока.

Эрни бросил на меня обиженный взгляд и, догнав старика, схватил его за локоть. Я не слышал слов, но видел больше чем достаточно. Эрни приносил извинения. Тот же хотел, чтобы Эрни понял, насколько ему невыносимо слышать, как поносят его машину, за рулем которой он провел лучшие годы. Эрни соглашался. И снова я почувствовал что-то осознанно страшное в нем... Это было как если бы ноябрьский ветер умел думать. Не знаю, как передать это другими словами.

— Если он еще что-нибудь скажет, то я умываю руки, — проговорил Лебэй и показал на меня корявым пальцем.

— Он не скажет, не скажет, — торопливо произнес Эрни. — Три сотни, вы сказали?

— Да, по-моему, как раз...

— Двести пятьдесят, как я слышал, — перебил я.

Эрни побледнел, думая, что старик снова уйдет, однако тот решил больше не рисковать. Рыбка была почти вытащена из воды.

— Хорошо, пусть будет двести пятьдесят, — снизошел Лебэй.

Он взглянул в мою сторону, и мы поняли друг друга: он ненавидел меня, а я — его.

К моему все возраставшему ужасу, Эрни достал бумажник и начал рыться в нем. Мы трое молчали. Лебэй наблюдал. Я отвернулся и стал смотреть на маленького парнишку, который старательно пытался покончить с собой при помощи красно-зеленого скейтборда. Где-то лаяла собака. У меня осталась только одна надежда на то, что Эрни выберется из этого кошмара: был день перед получкой. Через двадцать четыре часа его лихорадка могла пройти.

Когда я снова повернулся к ним, Эрни и Лебэй разглядывали две пятидолларовые и шесть долларовых бумажек — больше у них ничего не было.

— Как насчет чека? — спросил Эрни.

Лебэй одарил его сухой улыбкой и ничего не ответил.

— Это хороший чек, — запротестовал Эрни.

Он был прав. Все лето мы вкалывали у «Хардсон бразерс», нанявших нас на строительство шоссе I-376, — жители окрестностей Питсбурга уже не думали, что это строительство когда-нибудь закончится. Брэд Джеффрис, работавший там мастером, согласился взять Эрни на место сигнальщика, но иногда давал ему и более тяжелые работы. За три месяца Эрни получил достаточно денег, а кроме того, частично избавился от своих вулканических наростов. Может быть, в этом ему помог загар.

— Я не сомневаюсь, что это хороший чек, — сказал Лебэй, — но все-таки лучше иметь дело с наличностью. Пойми меня правильно.

Не знаю, как Эрни, но я понял. Оплату чека можно было бы запросто приостановить, если бы по дороге домой у «плимута» отвалилась тяга или взорвался клапан.

— Можете позвонить в банк! — воскликнул Эрни, приходя в отчаяние.

— Нет, уже половина шестого. Банк давно закрыт.

— Пусть это будет задатком, — произнес Эрни, протягивая шестнадцать долларов.

Он выглядел настоящим сумасшедшим. Вряд ли вы поверите незнакомому парню, который обещает вам принести завтра кучу денег. Мне и самому было трудно поверить в это. Однако Ролланд Д.Лебэй ничуть не смутился, и я объяснил это тем, что к своим годам он успел многое повидать. Потом я стал думать, что его излишняя самоуверенность была вызвана совсем другими причинами. Так или иначе, он был склонен проявить себя истинным джентльменом.

— Мне нужно по крайней мере десять процентов, — сказал Лебэй. Рыбка была вытащена из воды, через секунду она оказалась бы в сачке. — Если у меня будет десять процентов, то я подержу ее до завтра.

— Дэннис, — проговорил Эрни, — ты не сможешь одолжить мне девять баксов?

В моем бумажнике было двенадцать, и я не знал, на что их потратить. Тогда у меня еще не было повода тратить все деньги в ресторанах и цветочных магазинах. Я был богат, но одинок.

— Давай отойдем в сторону, — предложил я.

Лебэй нахмурился, но понял, что без моего участия уже не обойдется. Его длинные седые волосы развевались на ветру. Одной рукой он опирался на капот «плимута».

Мы с Эрни вернулись к моему «дастеру» семьдесят пятого года, припаркованному возле обочины. Я положил ладонь на плечо Эрни. Почему-то мне вспомнилось, как мы проводили осенние дождливые дни в его комнате, когда нам было по шесть лет, как смотрели мультики по старому черно-белому телевизору или рисовали карандашами, которые обычно торчали в пустой банке из-под кофе. От этих воспоминаний мне стало грустно и немного страшно. Знаете, иногда мне кажется, что шесть лет — самый оптимальный возраст для человека и поэтому занимает такую небольшую часть жизни.

— Дэннис, у тебя есть хоть сколько-нибудь? Я завтра отдам.

— Да, у меня есть, — сказал я. — Но во имя Бога, что ты делаешь, Эрни? У этого старого прощельги полная непригодность. Он не нуждается в деньгах, и ты не общество милосердия.

— Не понял, о чем ты?

— Он выжимает тебя. Он выжимает тебя просто для собственного удовольствия. Если бы он отвез машину к Дарнеллу, то не получил бы и пятидесяти долларов, потому что ее можно продать только по частям. Это кусок дерьма.

— Нет, ты не прав.

Если бы не худоба и прыщи, мой друг Эрни выглядел бы вполне обыкновенно. Но Господь каждому дарит по крайней мере одну достойную деталь внешности, и я думаю, что у Эрни это были глаза. Ни у кого, кроме него, я не видел таких умных и красивых глаз цвета облачного осеннего дня. Даже за очками они были выразительны. Но сейчас их затягивала какая-то серая поволока.

— Это совсем не кусок дерьма.

Вот когда я начал по-настоящему понимать, что у Эрни появилось нечто большее, чем просто желание купить машину. Раньше ему хватало того, что он ездил со мной, а изредка и сам мог порулить на третьей скорости. Колесить по дорогам он не собирался; насколько я знал Эрни, он не был сторонником таких развлечений. Нет, это было что-то совсем другое.

Я сказал:

— Хотя бы попроси завести ее. Под ней масляная лужа. Скорее всего цилиндр лопнул. Я думаю, что...

— Ты одолжишь мне девять долларов? — Его глаза смотрели прямо в мои.

Я сдался. Я достал бумажник и вручил ему девять баксов.

— Спасибо, Дэннис, — поблагодарил он.

— Это на твои похороны, парень.

Ничего не ответив, он прибавил мои девять долларов к своим шестнадцати и вернулся к Лебэю, стоявшему около машины. Взяв деньги, тот послунял палец и тщательно их

пересчитал.

— Запомни, я держу ее только двадцать четыре часа, — произнес Лебэй.

— Да, сэр. Все будет в порядке.

— Сейчас я схожу домой и напишу тебе расписку. Как ты сказал, твое имя?

— Каннинггейм. Арнольд Каннинггейм.

Лебэй хмыкнул и пошел по заросшей лужайке к задней двери дома. Спереди у этого строения была целая комбинация алюминиевых дверей, над ними располагался замысловатый узор с буквой Л, обрамленной вензелями.

За ним хлопнула дверь.

— Странный он тип, Эрни. Странный сукин сын, этот...

Но Эрни рядом не было. Он сидел за рулем машины. На его лице было все то же блаженное выражение.

Подойдя к капоту, я увидел, что тот был не заперт, и поднял крышку. Раздался скрип, как в фильмах о домах с привидениями. Посыпалась металлическая пыль. Допотопный аккумулятор был весь изъеден коррозией, на клеммах нельзя было отличить плюс от минуса. Я мрачно заглянул в карбюратор: внутри он был чернее, чем угольная шахта.

Я закрыл капот и приблизился к Эрни. Он задумчиво водил рукой по приборной доске. Предельное значение на спидометре было абсолютно абсурдным — сто двадцать миль в час. Когда машины ездили с такой скоростью?

— Эрни, по-моему, двигатель ни к черту не годится. Эта машина — полная рухлядь. Если тебе нужны колеса, то за двести пятьдесят долларов мы сможем найти что-нибудь получше. Гораздо лучше.

— Ей двадцать лет, — проговорил он. — Ты хоть понимаешь, что если машине двадцать лет, то ее уже официально считают антиквариатом.

— Понимаю, — буркнул я. — На заднем дворе у Дарнелла полным-полно такого антиквариата.

— Дэннис...

Дверь снова хлопнула. Лебэй шел обратно. Он мог бы не торопиться: дальнейшая дискуссия все равно была бы бесполезной. Может быть, я не самый чувствительный из людей, но если сигнал достаточно сильный, то он до меня доходит. Эрни испытывал потребность купить вещь, и я не собирался отговаривать его. Думаю, что никто в мире не собирался делать этого.

Лебэй торжественно вручил лист почтовой бумаги. На нем было написано старческим паукообразным почерком: «Получено от Арнольда Каннинггейма двадцать пять долларов как 24-часовой залог за «плимут» 1958 года, Кристину». Внизу стояло его имя.

— Что это еще за Кристина? — спросил я, думая, что он допустил какую-то ошибку.

Его губы сжались, а плечи приподнялись, как будто он ждал, что над ним будут смеяться... или как будто призывал меня посмеяться над ним.

— Кристина, — сказал он, — так я ее назвал.

— Кристина... — проговорил Эрни. — Мне нравится. А тебе, Дэннис?

Теперь он толковал о названии.

Он еще думал, как назвать свою чертову штуковину. Это было уже слишком.

— Ну, что же ты молчишь, Дэннис! Тебе нравится это имя?

— Нет, — ответил я. — Если тебе необходимо назвать ее, то почему не назвать ее Беда?

Кажется, он обиделся. Но мне было все равно. Я вернулся к своей машине и стал

дождаться его, жалея о том, что не поехал домой другой дорогой.

2. Первая ссора

*Скажи только банде друзей твоих:
«Устал я ходить на своих двоих!»
Йе-йе-йе-йе! Времени нет
слушать их всех...*

«Коастерс»

Я отвез Эрни домой и, перед тем как ехать к себе, пошел с ним выпить по стакану молока и перекусить парой пирожных. О таком решении я очень скоро пожалел.

Семья Каннингеймов жила на Лорел-стрит, в западной части Либертивилла. Вообще Либертивилл полностью застроен жилыми домами: на нашей улице тоже нет офисов и контор. Однако Лорел-стрит недаром считается спальней университетского общества, которое там обосновалось с незапамятных времен.

По дороге домой Эрни о чем-то думал; я старался не мешать ему, хотя и спросил, что он собирается делать с машиной.

— Приводить в порядок, — рассеянно ответил он и снова погрузился в молчание.

Нет спору, у него были кое-какие способности. Он умел обращаться с инструментами, умел быстро находить неисправности и знал, как устранять их. Его чувствительные руки были восприимчивы к автомобильной механике. Конечно, он мог починить машину, но деньги, которые заработал летом, предназначались для колледжа. У него никогда не было машины, он не имел ни малейшего представления о том, с какой безжалостностью старые машины умеют высасывать деньги. Они высасывают их так же, как вампир высасывает кровь. Он мог бы избежать затрат на ручной труд, если бы все делал сам, но одни запчасти разорили бы его еще до окончания работы.

Я сказал ему об этом, но он только поежился. Его взгляд был отстраненным и туманным. Не знаю, о чем он думал.

Майкл и Регина Каннингейм были дома — она трудилась над составлением картинок-загадок, а он слушал музыку в общей комнате.

Прошло не очень много времени, прежде чем я пожалел, что не отказался от молока и пирожных. Эрни рассказал им о том, что сделал, показал расписку, и они стали ходить по потолку.

Вы должны понять, что Майкл и Регина были цветом университетского общества. Они были призваны служить делу прогресса, а для них это значило — выражать протест. Они протестовали против раскола в начале шестидесятых, против войны во Вьетнаме, против Никсона, против полицейского произвола, против расовой сегрегации в школах и против жестоких родителей. Для этого нужно было говорить — говорить почти без умолку. И потребность в разговорах у них была такая же, как потребность в службе общественному прогрессу. Они были готовы принять участие во всех ночных сеансах спутниковой телесвязи, выступать по радио и на всех семинарах, где могли высказать свое мнение о какой-нибудь злободневной проблеме. Одному Богу известно, сколько времени они провели на различных «горячих линиях» или на старом добром «телефоне доверия», куда может позвонить человек, думающий о самоубийстве, и услышать приятный голос, отвечающий: «Не делай этого, парень, у тебя есть важная миссия на космическом корабле по имени Земля». После

тридцати лет преподавания в университете вы готовы раскрывать рот так же, как собаки Павлова готовы выделять слюну по первому звонку дрессировщика. Бьюсь об заклад, что вам это даже нравится.

Регина (они настаивали, чтобы я называл их по имени) была все еще привлекательной сорокапятилетней женщиной с довольно холодными полуаристократическими манерами — я хочу сказать, что она умудрялась выглядеть аристократично даже тогда, когда носила протертые джинсы, а это было всегда. Она преподавала английскую литературу и специализировалась на ранних английских поэтах. Ее диссертация была посвящена Роберту Геррику.

Майкл читал лекции по истории. Он казался таким же печальным и меланхоличным, как музыка, которую он ставил на своем магнитофоне, хотя печаль и меланхолия не были свойственны его натуре. Иногда он заставлял меня задуматься над тем, что сказал Ринго Старр, когда «Битлз» впервые очутились в Америке и на какой-то пресс-конференции у него спросили, действительно ли он так печален, как выглядит. «Нет, — ответил Ринго, — это просто мое лицо». Майкл был как раз таким. Кроме того, его тонкое лицо и толстые роговые очки делали его похожим на карикатурного профессора, изображаемого под какой-нибудь недружелюбной заметкой в газете.

— Привет, Эрни, — сказала Регина, когда мы вошли. — Привет, Дэннис.

После этого она уже не радовалась нашему приходу.

Мы поздоровались и сели за столик, стоявший в углу. Нам принесли молоко и пирожные. Вскоре музыка оборвалась, и в кухню, шаркая шлепанцами, вошел Майкл. Он выглядел так, словно только что умер его лучший друг.

— Вы сегодня припозднились, мальчики, — проговорил он. — Что-нибудь случилось?

— Я купил машину, — произнес Эрни, отрезая кусок пирожного.

— Что ты сделал? — прокричала его мать из другой комнаты.

Вслед за тем послышался глухой стук упавшей книги. Вот когда я начал жалеть, что не поехал домой.

Майкл Каннингем повернулся к сыну, держа в одной руке пакет с яблоками, а в другой — пластиковую коробку с йогуртом.

— Ты шутишь, — сказал он, и я почему-то обратил внимание на то, что эспаньолка, которую он носил с семидесятого года, была почти седая. — Эрни, ты ведь шутишь, да? Скажи, что ты шутишь.

Вошла Регина, высокая, полуаристократичная и едва сдерживающая бешенство. Она пристально посмотрела на Эрни и поняла, что тот не шутил.

— Ты не можешь купить машину, — произнесла она. — О чем ты говоришь? Тебе только семнадцать лет.

Эрни медленно перевел взгляд с отца, застывшего у холодильника, на мать, стоящую в дверном проеме. Я никогда прежде не видел у него такого упрямого и твердого выражения лица. Если бы он почаще так держался в школе, то, думаю, его бы там перестали прогонять отовсюду.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Я мог купить ее без всяких проблем. Купить машину за наличные не так трудно. Другое дело — зарегистрировать ее в семнадцать лет. Вот тут мне понадобится ваше разрешение.

Они смотрели на него с изумлением и недоумением, которые вызвали у меня чувство тревоги, смешанной со злостью. Ведь при всем своем либеральном образе мыслей и при

всей любви к разоренным фермерам, брошенным женам и незамужним матерям они всегда управляли Эрни.

И Эрни позволял управлять собой.

— Не думаю, что тебе стоит разговаривать с матерью в таком тоне, — произнес Майкл. Он положил яблоки и йогурт обратно в холодильник и медленно закрыл дверцу. — Ты слишком молод, чтобы иметь машину.

— А Дэннис? — тотчас спросил Эрни.

— Какие взгляды у родителей Дэнниса и какие у нас — это две совершенно различные вещи, — сказала Регина Каннингем. Я еще никогда не слышал, чтобы ее голос был так холоден. Никогда. — И ты не имеешь права делать такие вещи, не посоветовавшись с твоим отцом и матерью о том...

— Не посоветовавшись с вами! — внезапно заорал Эрни. Он расплескал молоко. На его щеке выступили крупные вены, похожие на веревки.

Регина отступила на шаг, у нее отвалилась челюсть. Могу поклясться, что она ни разу в жизни не думала, что ее сын, этот гадкий утенок, будет когда-нибудь орать на нее. Майкл, казалось, был поражен не меньше. До них постепенно начало доходить то, что я уже почувствовал, — по каким-то неведомым причинам Эрни наконец понял, что по-настоящему чего-то хочет. А Бог помогает таким людям.

— Советоваться с вами! Хватит с меня ваших семейных советов! Сколько их ни было, никогда я не мог добиться того, чего хотел! Ведь у вас всегда было два голоса против моего одного! Да на черта мне такие семейные советы? Я купил машину, и... все тут!

— Нет, не все, — проговорила Регина.

Она плотно сжала губы и странным образом (а может быть, как раз наоборот) утратила свой прежний полуаристократический вид; теперь она выглядела, как королева Шотландии, если бы ту можно было одеть в джинсы и все прочее. Глядя на Майкла, я почувствовал острую жалость к нему — так он был подавлен и несчастен. Ему даже некуда было пойти. Он был дома. И в его доме начиналась война двух поколений. Регина была явно готова к ней, а Майкл — еще нет. Мне не хотелось участвовать во всем этом. Я встал и пошел к двери.

— Ты позволил ему? — спросила Регина. Она смотрела на меня так надменно, точно мы никогда не пекли пироги и все вместе не ездили на их семейные пикники. — Дэннис, ты меня удивляешь.

Ее слова меня уязвили. Мне всегда нравилась мама Эрни, но полностью я ей не доверял никогда, по крайней мере после случая, произошедшего лет десять назад.

Однажды, когда мы катались на велосипедах, Эрни упал и здорово поранил ногу. Я сам привез его домой, и врач наложил ему полдюжины швов. Затем Регина отчитала меня так, что я был готов разреветься — еще бы, мне было всего восемь лет, и я видел лужу крови. Не помню всех ее обвинений, но, кажется, начала она со строгого выговора за то, что я плохо присматривал за ее сыном, точно он был моложе, а не одного возраста со мной.

Теперь для меня снова прозвучало то же самое — Дэннис, ты плохо присматривал за ним, — и я разозлился. Не только из-за отношения к Регине. Когда вам семнадцать лет, вы почти всегда становитесь на сторону своих сверстников. Вы инстинктивно чувствуете, что если не будете отстаивать эту территорию, то ваши собственные папа и мама — из лучших побуждений — будут счастливы окружить вас непреодолимой стеной и вечно держать в загоне для малолеток.

Я разозлился и старался не взорваться.

— Ничего я ему не позволял, — произнес я как можно спокойнее. — Он захотел и купил.

Раньше я бы добавил, что Эрни получил именно то, к чему стремился, но теперь не собирался этого делать.

— Я пробовал отговорить его.

— Ты явно не перетрудился, — едко заметила Регина. С таким же успехом она могла бы сказать: не дури мне мозги, Дэннис, я знаю, что вы были заодно. Ее щеки покрылись румянцем, а взгляд буквально испепелял. Она желала, чтобы я вновь почувствовал себя восьмилетним мальчиком.

— Не знаю, из-за чего вы так переживаете. Он купил ее за двести пятьдесят долларов, и...

— Двести пятьдесят долларов! — выпалил Майкл. — Какой же должна быть машина, чтобы стоить двести пятьдесят долларов?!

Его замешательство и неловкость исчезли почти без следа. Теперь он смотрел на сына с нескрываемым презрением, от которого меня немножко покорило. Если у меня когда-нибудь будут дети, постараюсь не строить таких гримас.

Я твердил себе, что должен оставаться спокойным и не лезть не в свое дело... но съеденное пирожное застряло у меня где-то на полпути к желудку, и я кожей чувствовал, как оно там горело. Каннингеймы были моей второй семьей, поэтому все ее неурядицы и скандалы я воспринимал изнутри.

— Вам предстоит многое узнать об автомобилях, потому что вашему сыну досталась не совсем новая машина, и ее придется чинить, — сказал я и неожиданно поймал себя на том, что довольно точно воспроизвел интонации Лебэя. — Понадобится довольно долгая работа («И немало денег», — подумал я). Можете смотреть на это как на... как на хобби.

— Вижу в этом только сумасшествие, — проговорила Регина.

— По-моему, проблема не настолько серьезна. Но все равно мне пора ехать домой. Если вы не против, то я вас покину.

— Хорошо, — сухо ответила миссис Каннингейм.

— Да, — произнес Эрни бесцветным голосом. Он поднялся. — Пора все это послать к черту.

Регина открыла рот, а Майкл зажмурился, как будто получил пощечину.

— Что ты сказал? — Регина наконец пришла в себя. — Что ты...

— Не знаю, что вас так потрясло, — мрачно проговорил Эрни, — но я не собираюсь торчать здесь и выслушивать ваши бредни. Мне уже семнадцать лет. Я хочу, чтобы со мной считались.

Они вытаращились на него так, как если бы у одной из кухонных стен выросли губы и она начала говорить.

Эрни посмотрел на них. В его глазах не было ничего, кроме угрозы.

— Говорю вам, мне нужна эта вещь. Только она.

— Эрни, но ведь страховка... — начал Майкл.

— Прекрати! — закричала Регина. Она не желала обсуждать технические проблемы, потому что это был шаг к капитуляции; ей хотелось задавить бунт в зародыше, быстро и беспощадно. В этот момент она выглядела одновременно испуганной и вульгарной. Мне стало жалко ее, потому что она мне нравилась.

Уже стоя в дверях, я внезапно почувствовал нездоровое любопытство: чем же все это

кончится? Я присутствовал при первом крупном скандале в семействе Каннинггеймов. До сих пор им можно было дать десять баллов за пуританство.

— Дэннис, тебе лучше уйти, пока мы тут разбираемся, — зловеще проговорила Регина.

— Я уйду, но, по-моему, вы делаете из мухи слона. Если бы вы увидели эту машину... она или вообще не трогается с места, или за двадцать минут набирает тридцать миль в час.

— Дэннис! Иди!

Я ушел.

Садясь в машину, я увидел, как из задней двери вышел Эрни; он явно намеревался привести в исполнение свою угрозу. Следом за ним показались его родители, теперь у них был такой перепуганный вид, как будто они оба обмочились. Отчасти я мог их понять. Все предшествовавшее было неожиданней, чем гром, разразившийся среди ясного неба.

Когда я выруливал на улицу, они втроем стояли на площадке возле двухместного гаража (в котором стояли «порш» Майкла и «вольво» Регины — у них-то есть машины, вспомнил я) и все еще ругались.

«Ну, вот и все», — подумал я, и мне стало тоскливо. Они раздавят его. Лебэй получит свои двадцать пять долларов, а «плимут» останется гнить на прежнем месте. Подобные вещи им не раз удавались. Потому что он был рохлей. Это знали даже его родители. Он был неглупым парнем, и когда вы знакомились с ним поближе, то видели, что у него были и чувство юмора, и доброта, и... нежность, если я правильно понимаю это слово.

Нежный, но все-таки рохля. Они знали, что он был рохлей, и должны были раздавить его.

Так я думал. Но я ошибался.

3. На следующее утро

Мой папа сказал мне однажды: «Сынуля, твой бешеный «линкольн» меня доведет до кладбища или до белой горячки, я это тебе говорю наперед».

Чарли Райан

В 6.30 следующего утра я подъехал к дому Эрни и припарковался у обочины, не желая заходить за ним, даже если его родители еще спали, — слишком много вредных флюидов предыдущим вечером витало в их кухне, поэтому меня ничуть не прельщал традиционный кофе с пончиком перед работой.

Эрни не показывался по меньшей мере минут пять, и я уже начал размышлять о том, мог ли он исполнить свою вчерашнюю угрозу и уйти из дома. Затем задняя дверь отворилась, и он спустился по бетонной дорожке, неся в одной руке пакет с завтраком.

Он сел в машину, захлопнул дверцу и, улыбнувшись, сказал:

— Давай, трогай.

Он явно был в хорошем настроении.

Большую часть пути мы ехали молча, слушая хиты рок-энд-соула, которые передавала местная радиостанция. Эрни рассеянно отстукивал ладонью по колену, отбивая доли музыкальных тактов.

Наконец Эрни произнес:

— Извини, что вчера тебе пришлось присутствовать при всем этом.

— Все в порядке, Эрни.

— Тебе никогда не приходило в голову, — внезапно сказал он, — что родители — это всего лишь переросшие дети, и только собственный ребенок может вытащить их из младенчества?

Я покачал головой.

— Знаешь, что я думаю? — спросил он.

Мы уже подъезжали к строительной площадке; трейлер, принадлежавший фирме «Карсон бразерс», стоял в двух холмах от нас. В такую рань движение на дороге было еще слабым и сонным. Небо было нежно-персикового цвета.

— Я думаю, что быть родителем — это отчасти значит — стараться убить своего ребенка.

— Это точно, — ответил я. — Мои все время стараются доконать меня. А вчера они чуть не добились своего, когда стали расспрашивать, почему я задержался после работы.

Я не обратил особого внимания на слова Эрни, но мне было интересно, что сказали бы Майкл и Регина, если бы слышали сейчас своего сына.

— Я знаю, это звучит немного странно, — продолжал он, — но есть много таких вещей, которые кажутся чепухой, пока не задумаешься над ними. Эдипов комплекс, например.

— Дерьмо все это, — сказал я. — Ты поругался с родителями, вот и вся проблема.

— Нет, не вся, — задумчиво произнес Эрни. — Они не знают, что делают. Не могут знать. Сказать почему?

— Скажи, — ответил я.

— Потому что как только у родителей рождаются дети, так они сразу понимают, что

должны умереть. Когда у тебя появляется ребенок, ты смотришь на него как на свое надгробие.

— Знаешь что, Эрни?

— Что?

— Я думаю, все это просто дерьмо, — сказал я, и мы оба рассмеялись.

— А я так не думаю, — сказал он.

Я зарулил на стоянку и выключил двигатель. Из машины мы вылезли не сразу.

— Я сказал им, что не пойду на курсы для поступления в колледж, — проговорил Эрни. — Я сказал им, что запишусь на домашнее обучение.

Домашнее обучение было тем способом получения «среднего» образования, который пришелся по душе многим ребятам из старших классов. Им высылались программы по различным предметам, и они занимались сами, — разумеется, за исключением тех, кто не ночевал дома.

— Эрни... — начал я, не зная, что сказать дальше. Пожар разгорелся на пустом месте, и это сбilo меня с толку. — Эрни, ты все еще не в духе. Они оплатят твои курсы...

— Конечно, оплатят, — перебил Эрни и холодно улыбнулся. При бледном свете зари он выглядел одновременно и старше, и намного моложе... вроде циничного ребенка, если такое возможно. — Они в силах оплатить и полное обучение, и университет, если захотят. Закон им этого не запрещает. Но ни один закон не заставит меня идти туда, куда они считают нужным.

Я был поражен. Как сумел этот рохля так быстро и, главное, так неузнаваемо измениться? И как Майкл и Регина могли согласиться с его планами? Представить такое было очень трудно.

— Так, значит, они... сдались? — Пора было идти на стройплощадку, но я не мог не задать этого вопроса.

— Не совсем так. Насчет машины мы договорились, что я найду для нее место в гараже и не буду пытаться ее зарегистрировать без их согласия.

— И ты думаешь, что тебе это удастся?

Он снова улыбнулся — заговорщически и в то же время зловеще. Точно так же мог бы усмехнуться бульдозерист, опуская ковш своего «Д-9 Кат» на какой-нибудь особенно неподатливый пенек.

— Удастся, — ответил он. — Можешь мне поверить.

И знаете что? Я ему поверил.

4. Эрни женится

*Мне запомнился день,
когда я среди прочих обломков
набрел на нее,
только в ней
было под ржавчиной чистое золото —
не старье...*

«Бич бойз»

В ту пятницу мы могли вечером подзаработать на сверхурочной работе, но отказались от нее. Получив в конторе наши чеки, мы поехали в питсбургское отделение сбережений и займов и вскоре пересчитывали наличные. Почти все свои деньги я внес на срочный вклад, часть положил на чековый счет (отчего почувствовал себя до отвращения взрослым), а двадцать долларов оставил в бумажнике.

Эрни обратил в наличные весь свой заработок.

— Вот, — произнес он, протягивая десятидолларовую бумажку.

— Нет, — ответил я, — оставь их при себе, приятель. У тебя теперь каждый цент будет на счету, пока ты не разделаешься со своей консервной банкой.

— Возьми, — сказал он. — Я плачу свои долги, Дэннис.

— Оставь. Правда, оставь.

— Возьми. — Он настойчиво протягивал деньги.

Я взял, но заставил его один доллар взять обратно. Он даже этого не хотел делать.

Пока мы ехали к дому Лебэя, Эрни нервничал, включал радио на полную громкость, барабанил пальцами то по колену, то по приборной доске — словом, вел себя, как будущий молодой отец, ожидающий, что его жена вот-вот родит ребенка. Наконец я догадался: он боялся, что Лебэй продал машину кому-нибудь другому.

— Эрни, — сказал я, — успокойся. Она будет на месте.

— Я спокоен, — ответил он и принужденно улыбнулся. Цветение на его лице в тот день было ужасней, чем когда-либо, и я представил себе (не в первый и не в последний раз), что почувствовал бы, если бы очутился на месте Эрни Каннингейма — в его ежеминутно и ежесекундно сочащейся, нарывающей коже...

— Слушай, не потей! Ты ведешь себя так, точно собираешься налить лимонаду в штаны.

— Не собираюсь, — сказал он, продолжая барабанить пальцами по приборной доске.

Наступил вечер пятницы, и по радио передавали «Музыкальный рок-уик-энд». Когда я оглядываюсь на тот год, то мне кажется, что он измеряется прогрессиями рок-н-ролла... и все возрастающим чувством страха.

— А почему именно эта машина? — спросил я. — Почему именно она?

Он долго смотрел на Либертивилл-авеню, а потом резким движением выключил радио.

— Не знаю, — наконец произнес он. — Может быть, потому, что с того времени, как у меня появились эти отвратительные прыщи, я впервые увидел что-то еще более уродливое, чем я сам. Ты хотел, чтобы я это сказал?

— Эй, Эрни, брось дурить, — сказал я. — Это я, Дэннис. Ты еще помнишь меня?

— Помню, — проговорил он. — И мы все еще друзья, да?

— Конечно. Но какое это имеет отношение...

— А это значит, что мы должны по крайней мере не лгать друг другу. Поэтому я и сказал тебе, и, может быть, это не совсем чепуха. Я знаю, что безобразен. Я плохо схожусь с людьми. Я... чуждаюсь их. Я бы хотел быть другим, но ничего не могу поделать с собой. Понимаешь?

Я нехотя кивнул. Как он сказал, мы были друзьями, а это значило — не лезть в дерьмо друг перед другом.

Он тоже кивнул — точно чему-то очевидному для него.

— Другие люди, — осторожно добавил он, — например, ты, Дэннис, не всегда могут это понять. Если ты не безобразен, то по-другому смотришь на мир. Знаешь, как трудно сохранять чувство юмора, если все вокруг смеются над тобой? Тогда у тебя кровь закипает в жилах. От этого можно сойти с ума.

— Ну это я могу понять. Но...

— Нет, — спокойно сказал он. — Ты не можешь понять этого. Ты можешь думать, что понимаешь, но понять — не можешь. Тебе это недоступно. Но я тебе нравлюсь, Дэннис...

— Я люблю тебя, Эрни, — перебил я его. — И ты это знаешь.

— Может быть, любишь, — произнес он. — И если так, то это потому, что у меня есть кое-что под этим глупым лицом...

— У тебя не глупое лицо, Эрни, — сказал я. — Может быть, не очень чистое, но не глупое.

— Да иди ты... — проворчал он, а потом добавил: — Во всяком случае, эта машина — что-то вроде меня. У нее тоже что-то есть внутри. Что-то лучшее, чем снаружи. Я вижу это, вот и все.

— Видишь?

— Да, Дэннис, — тихо проговорил он. — Я вижу.

Я свернул на Мэйн-стрит. Мы уже подъезжали к дому Лебэя. И внезапно мне в голову пришла одна довольно мрачная мыслишка. А что если, предположил я, отец Эрни подговорил одного из своих друзей или студентов, чтобы тот мигом сбегал к Лебэю и купил машину раньше, чем это успеет сделать его сын? Макиавеллиевская уловка, скажете вы, но Майкл Каннингейм был способен и не на такое коварство. Недаром он специализировался на военной истории.

— Я увидел эту машину — и сразу почувствовал какое-то влечение к ней... Я даже себе этого не могу как следует объяснить. Но... — Он замялся, как-то сонно глядя вперед. — Но я увидел, что смогу сделать ее лучше, — закончил он.

— Ты хочешь сказать — починить?

— Да... то есть нет. Это слишком бездушно. Чинят столы, стулья и всякую всячину вроде них. Газонокосилку, если она не работает. И — обыкновенные автомобили.

Вероятно, он заметил, как у меня поднялись брови. Он улыбнулся, точнее — усмехнулся.

— Понимаю, как это звучит, — произнес он. — Я не хотел этого говорить, потому что знал, как ты среагируешь. Но я на самом деле думаю, что она не обычная машина. Не могу сказать почему, но мне так кажется.

Я открыл рот, собираясь сказать что-нибудь такое, о чем впоследствии наверняка пожалел бы, но мы как раз повернули за угол, на улицу Лебэя.

Эрни шумно вобрал воздух.

Один прямоугольник травы на лужайке Лебэя был более желтым и еще более

отвратительным, чем все остальные части его заросшего газона. С одного края на нем виднелось черное пятно масла, впитавшегося в почву и убившего все, что там прежде росло. Этот прямоугольный кусок травы был столь омерзительно ярок, что если бы вы смотрели на него слишком долго, то могли бы ослепнуть.

На этом месте вчера стоял «плимут» 58-го года выпуска.

— Эрни, — сказал я, пристраивая свою машину у обочины, — держи себя в руках. Ради Христа, не сходи с ума.

Он не обратил ни малейшего внимания на мои слова. Сомневаюсь, что он вообще меня слышал. Его лицо было бледным. Цветение на нем стало еще заметней. Он открыл правую дверцу моего «дастера» и на ходу выпрыгнул из машины.

— Эрни...

— Это мой отец, — бросил он со злостью и отчаянием. — Я чую этого ублюдка.

И он побежал через газон к дому Лебэя.

Я вылез из машины и поспешил за ним, думая о том, когда же наконец закончится это сумасшествие. Я с трудом мог поверить, что Эрни Каннингем только что назвал Майкла ублюдком.

Эрни успел только один раз ударить кулаком в дверь, как она отворилась. На пороге стоял Ролланд Д.Лебэй. Он мягко улыбнулся, глядя на взбешенное лицо Эрни.

— Здравствуй, сынок, — сказал он.

— Где она? — взорвался Эрни. — Мы же договорились! Я дал задаток!

— Не кипятись, — произнес Лебэй. Но, увидев меня, спросил: — Что это с твоим другом, сынок?

— Машина исчезла, — ответил я. — А так — ничего.

— Кто купил ее? — закричал Эрни.

Я никогда не видел его в таком безумном состоянии. Думаю, если бы у него был пистолет, то он бы приставил его к виску Лебэя.

— Кто купил ее? — благодушно переспросил Лебэй. — Да пока никто не купил, сынок. Но ты дал за нее залог. Я отогнал ее в гараж, вот и все. Я поставил кое-какие запчасти и сменил масло. — Он приосанился и одарил нас обоих неуместно величавой улыбкой.

Эрни подозрительно посмотрел на него, затем перевел взгляд на небольшой гараж, соединявшийся с домом гаражной дорожкой.

— Кроме того, я не хотел оставлять ее на улице, ведь ты внес за нее часть денег, — добавил Лебэй. — У меня уже были неприятности с ней. Однажды ночью какой-то недоносок бросил камень в мою машину. Да еще соседи — некоторые из них явно попали сюда из команды БЗ.

— Что это за команда? — спросил я.

— Большие Задницы, сынок. — Он окинул улицу недобрый взглядом и задумчиво сказал: — Хотел бы я знать, кто бросил камень в мою машину. Да, сэр, мне бы очень хотелось это знать.

Эрни прочистил горло:

— Извините, что причинил вам беспокойство.

— Ничего, сынок, — оживился Лебэй. — Мне нравятся ребята, готовые постоять за свою... или почти свою вещь. Ты принес деньги?

— Да, они со мной.

— Ну, тогда заходите в дом. Ты и твой друг. Я подпишу бумаги, и мы выпьем по банке

пива, чтобы отметить это событие.

— Нет, спасибо, — сказал я. — Я лучше побуду здесь.

— Как знаешь, — произнес Лебэй... и подмигнул мне.

По сей день не имею представления, что означало это подмигивание. Они вошли внутрь, за ними хлопнула дверь. Рыбка была в сачке, и скоро ее должны были почистить.

Чувствуя какую-то подавленность, я пошел по гаражной дорожке к гаражу и попытался открыть дверь. Она легко подалась, и на меня пахнуло тем же запахом, какой был вчера в «плимуте» — смешанный запах старой обивки, масла и застоявшегося летнего тепла.

К одной стене были приставлены грабли и старый садовый инвентарь. На другой стене висели старый резиновый шланг, велосипедная шина и древняя сумка с ключками для игры в гольф. Посреди гаража стояла машина Эрни, Кристина. Луч света упал на паутину трещин, покрывавшую ветровое стекло, и та засверкала, как россыпь мельчайших ртутных шариков. Какой-нибудь паренек с камнем, как сказал Лебэй, или небольшое дорожное происшествие по пути домой после ночного кутежа с бывшими вояками, рассказывавшими байки о днях своей молодости. О старые добрые времена, когда настоящий мужчина мог посмотреть на Европу, Океанию и таинственный Восток, прильнув к прицелу своей базуки. Кто знает... И какая разница? В любом случае найти замену для такого большого ветрового стекла было непросто.

Или недешево.

«Ох Эрни, — подумал я, — бедный, ты зашел слишком далеко».

Я опустился на колени и заглянул под машину. На полу чернело свежее масляное пятно. Оно не улучшило моего подавленного настроения.

Я поднялся на ноги и подошел к левой передней дверце «плимута». Взявшись за ручку, я увидел большую пластиковую бутылку, стоящую в дальнем углу гаража. На блестящем ободке были явно различимы буквы: С-А-П-Ф.

Я застонал. Ох, он сменил масло — хрен с ним! Но он залил в двигатель несколько кварт моторного масла «Сапфир», пять галлонов которого стоят 3,5 доллара! Ролланд Д.Лебэй был великодушен, черт бы его побрал!

Я открыл дверцу и сел за руль. Запах, который мне почудился в гараже, здесь казался не таким тяжелым. Красное рулевое колесо было очень большим — раньше любили делать такие основательные вещи. Я снова посмотрел на удивительный спидометр, который был откалиброван не на 70 или 80, а на все 120 миль в час. На нем не существовало красного числа 55. Пятнадцать лет назад бензин продавался по 29,9 доллара за галлон, а может, и меньше, если ваш город захлестнула война цен.

«Эти старые добрые времена», — подумал я и улыбнулся. Слева под сиденьем я нащупал кнопку, с помощью которой можно было приподнять или откинуть спинку (работала она или нет, но была). В салоне находился кондиционер (который точно не работал), на приборной доске я заметил счетчик расхода топлива и большую хромированную ручку радиоприемника, — конечно, он ловил только средние волны. В 1958 году УКВ были необжитым пространством.

Я положил руки на руль, и что-то произошло.

Даже сейчас, после всех раздумий, я не совсем понимаю, что это было. Может быть, какое-то смутное видение — во всяком случае, оно не было долгим. На один миг мне вдруг померещилось, что старая, ободранная обивка куда-то пропала. Сиденья вдруг оказались покрытыми приятно пахнущим вином... а может быть, это был запах натуральной кожи.

На рулевом колесе исчезли потертые места; хром успокаивающе поблескивал в лучах летнего вечера, падающих через открытую дверь гаража. «Давай прокатимся, приятель, — казалось, прошептала Кристина в жаркой летней тишине гаража Лебэя. — Давай отправимся в путь».

И на какое-то мгновение мне показалось, что изменилось все. Исчезли трещины на ветровом стекле — или это только чудилось. Небольшая полоса на газоне Лебэя, которую я видел через дверной проем, была не пожухлой, а такой сочной, какой бывают лишь недавно подстриженные, ухоженные лужайки. Бордюры за ней были сложены из свежего, а не из полуосыпавшегося бетона. Чуть поодаль я увидел (или мне опять-таки померещилось, что увидел) «кадиллак» 57-го года, сиявший на солнце, как хорошо начищенное зеркало. «Кадиллак» размером с катер — а почему бы и нет? Бензин был таким же дешевым, как и вода из крана.

«Давай прокатимся, приятель... Давай отправимся в путь».

А действительно, почему бы и нет? Я мог бы вырваться на улицу и поехать в центр города, к старой школе, которая стояла там, — она сгорела только через шесть лет, в 1964 году; мог бы включить радио, поймать Чака Берри, поющего «Проснись, моя маленькая Сюзи», или Робина Люка, вопящего «Дорогую Сюзи». А потом я мог бы...

А потом я выскочил из машины как ошпаренный. Дверца издала адский скрип, и я ударился локтем о стену гаража. Захлопнув дверцу (по правде говоря, мне не хотелось даже ее трогать), я несколько секунд смотрел на «плимут», который скоро должен был стать собственностью моего друга Эрни. Я вытер лоб. Мое сердце колотилось в бешеном темпе.

Ничего. Ни нового хрома, ни новой обивки. Наоборот, множество царапин и грязных пятен, одна разбитая передняя фара (в прошлый раз я этого не заметил) и покосившаяся антенна.

Вот тогда я решил, что мне не нравится машина моего друга Эрни.

Я вышел из гаража, то и дело оглядываясь назад — не знаю почему, но мне не нравилось, что она находилась за моей спиной. Понимаю, это глупо, но именно так я чувствовал. И всякий раз я не видел ничего странного, просто очень старый «плимут» с наклейкой о техосмотре, которая потеряла силу 1 июня 1976 года — давным-давно.

Эрни и Лебэй как раз выходили из дома. У Эрни в руке была белая бумажка. Свидетельство о продаже, догадался я. Руки Лебэя были пустыми; деньги он, очевидно, сразу же припрятал.

— Надеюсь, ты оценишь ее, — проговорил он, и мне почему-то подумалось о старом своднике, торгующемся с очень маленьким мальчиком. Я почувствовал приступ настоящего отвращения к нему — к его псориазу на черепе и к его вонючему спинному поясу. — Я думаю, оценишь. В свое время. — Он посмотрел на меня и повторил: — В свое время.

— Да, сэр, несомненно, — рассеянно сказал Эрни. Он походкой лунатика направился к гаражу и остановился, зачарованно глядя на свою машину.

— Ключи внутри, — произнес Лебэй. — Ты должен будешь забрать ее прямо сейчас.

— А она заведется?

— Завелась же для меня вчера вечером, — проговорил Лебэй, глядя куда-то в сторону. А затем добавил тоном человека, уже полностью умывшего руки: — Полагаю, у твоего друга найдется набор соединительных проводов в багажнике.

Действительно, в багажнике моей машины лежал набор соединительных кабелей, но мне не понравилось, что Лебэй догадался об этом. Я обречено вздохнул. Мне очень не хотелось вмешиваться в будущие отношения Эрни со старой развалюхой, а меня в них

втягивали, помимо моей воли.

Эрни пропустил мимо ушей весь предыдущий разговор. Он подошел к машине и сел за руль. Мне снова стало не по себе: «плимут» точно поглотил его. Я приказал себе успокоиться — не было никаких причин, чтобы вести себя, как несмышленная семиклассница.

Затем Эрни наклонился немного вперед, и в машине что-то заурчало. Я бросил на Лебэя испепеляющий взгляд, но тот смотрел в небо, точно изучая его на предмет дождя.

Она явно не собиралась заводиться. Мой «дастер» был в приличном состоянии, однако перед ним я пробовал освоить две развалюхи (не такие, как Кристина, те были другого класса) и поэтому хорошо знал подобные звуки, которые могут свести вас с ума в холодное зимнее утро.

Рурр-рурр-рурр-рурр... рурр.....рурр.....рурр.

— Не старайся, Эрни, — сказал я. — Зажигание не работает.

Не поднимая головы, он снова повернул ключ. Мотор натужно заскрежетал.

Я подошел к Лебэю.

— Вчера вы долго заводили ее, да? — спросил я.

Лебэй взглянул на меня своими пожухлыми глазами и снова уставился в небо, точно размышляя о чем-то.

— А может, вы ее вообще не заводили? Может, вы просто позвали пару дружков, и они закатали ее в гараж. Если, конечно, у такого старого дерьма есть друзья.

Он опустил взгляд на меня.

— Сынок, — сказал он. — Ты всего не знаешь. У тебя еще за ушами не обсохло. Когда ты пройдешь через две войны, как я...

— Хрен с вашими войнами, — с расстановкой проговорил я и направился к гаражу, где Эрни все еще пытался завести свою машину. С таким же успехом он мог бы попробовать улететь на Марс на воздушном шаре, подумалось мне.

Рурр-рурр.....рурр.....рурр.

Я открыл дверцу.

— Подожди, не сажай аккумулятор. Сейчас принесу кабель, — сказал я.

Он повернул голову:

— Мне кажется, для меня она должна завестись.

Я почувствовал, как мои губы расползлись в ухмылке.

— Ну тогда кабель тем более не помешает.

— Как знаешь, — рассеянно проговорил он и очень тихо добавил: — Давай же, Кристина. Что ты говоришь?

В тот же миг какой-то голос в моей голове снова произнес: «Давай прокатимся, приятель... Давай отправимся в путь», — и меня передернуло.

Я ожидал, что вслед за этим раздастся щелчок и предсмертный храп соленоида. На самом деле я услышал звук заработавшего двигателя. Он сделал несколько оборотов и заглох. Эрни опять повернул ключ. Мотор заработал быстрее. Прогрели выстрелы из выхлопной трубы. Я подпрыгнул от неожиданности. Эрни даже не пошевелился. Он исчез в своем собственном мире.

Когда двигатель снова заглох, Эрни Каннингем даже не выругался. Он только тихо пробормотал:

— Давай же, куколка, что ты говоришь?

Затем он повернул ключ. Мотор заскрежетал, сделал еще несколько выстрелов и наконец

завелся. Он работал кошмарно — как если бы четыре из восьми цилиндров были сегодня в отгуле, но все-таки работал. Я с трудом мог поверить в это.

— Все обернулось не так плохо, правда? — сказал Лебэй. — И тебе не пришлось рисковать своим бесценным аккумулятором. — Он сплюнул.

Я не знал, что сказать. Если честно, я чувствовал себя немного смущенным.

Автомобиль медленно выполз из гаража. Я и не представлял, что он окажется таким длинным. Это было как оптическая иллюзия. Эрни за рулем выглядел на удивление маленьким.

Он опустил стекло и подозвал меня. Чтобы услышать друг друга, нам пришлось кричать во все горло — такова была еще одна особенность подруги Эрни, Кристины: у нее был поразительно громкий голос. Если у нее когда-либо была система глушения, то она, конечно, давно прогорела. В тот момент, когда Эрни сел за руль, небольшой счетчик в автомобильном отделении моего мозга подытожил общую сумму расходов на ремонт — шестьсот долларов, не считая разбитого ветрового стекла. Одному Богу известно, сколько могла стоить его замена.

— Я отгону ее к Дарнеллу! — проорал Эрни. — Я прочитал в газетах, что в его мастерских можно держать машину за двадцать долларов в неделю!

— Эрни, двадцать долларов за его мастерские слишком много! — прокричал я.

В нашем городе существовала еще одна ловушка для молодых и неопытных. Гараж и мастерские Дарнелла располагались рядом с его же заведением, издевательски именуемым «Лучшие запасные части к автомобилям». Я несколько раз бывал там, один раз покупал стартер к моему «дастеру», а другой — искал карбюратор для «меркурия», — моей первой развалюхи. Уилл Дарнелл был настоящим жирным бороваком, много пившим и беспрерывно курившим длинные сигары, хотя говорили, что у него астма. Он люто ненавидел всех подростков Либертивилла, имевших автомобили... однако это не мешало ему заискивать перед ними и обирать их до нитки.

— Я знаю, — прокричал Эрни. — Но пока я не нашел более дешевого места. Я не могу забрать его домой, мои мама и папа изойдут дерьмом!

Конечно, он был прав — но только отчасти. Я раскрыл рот, собираясь спросить, не лучше ему остановиться, пока дело не зашло слишком далеко. Затем я снова закрыл рот. Было уже поздно. Кроме того, я вовсе не хотел соревноваться с этим ревушим мастодонтом, так же как и забивать легкие отработанным углеродом.

— Хорошо! — Я махнул рукой. — Я поеду за тобой.

— Я поеду через Уолнэт-стрит и через Бэйзн-драйв, — улыбнувшись, прокричал он. — Я не хочу выезжать на главные дороги.

— Ладно.

— Спасибо, Дэннис!

Окутавшись грязным вонючим дымом, «плимут» медленно пополз по дорожке Лебэя на улицу. Когда он притормозил перед поворотом, у него загорелся только один из задних огней. Автоматический счетчик, встроенный в мою голову, отзвонил еще пять долларов.

Эрни повернул руль влево и выехал на улицу. Остатки глушителя задели за выступ на обочине. Эрни прибавил газ, и машина взревела как сумасшедшая. В домах через дорогу люди подошли к окнам посмотреть, что происходит.

Рева во всю мощь, Кристина со скоростью десяти миль в час покатила по проезжей части. Ключья голубого дыма стелились за ней, а затем развеялись в теплом вечернем воздухе.

Через сорок ярдов, возле дорожного знака, она клюнула носом и встала как вкопанная. До меня донесся крик какого-то малолетки, наблюдавшего за ней с близкого расстояния:

— Отвезите ее на свалку, мистер!

Эрни высунул из окна кулак с вытянутым вверх средним пальцем — он показывал мальчику птичку. Этот жест был повторен дважды. Никогда прежде не видел я, чтобы Эрни показывал кому-нибудь птичку.

Стартер жалобно заскулил, мотор закричал и зашелся надрывным кашлем. На этот раз прогремела целая серия оглушительных выстрелов. Точно на Лорел-драйв кто-то открыл стрельбу из пулемета. Я застонал.

Вскоре кто-нибудь должен был вызвать полицейских. Они должны были задержать Эрни за нарушение общественного порядка и заодно выяснить, что его машина была не зарегистрирована. Думаю, это не улучшило бы обстановки в доме Каннингемов.

Наконец отгремело эхо последнего взрыва — оно прокатилось по улице, точно в нее угодил артиллерийский снаряд среднего калибра, — а затем «плимут» свернул налево, на Мартин-стрит, которая одной милей выше пересекалась с Уолнэт-стрит. Машина Эрни скрылась из поля зрения.

Я резко повернулся к Лебэю, собираясь послать его куда-нибудь подальше. Я уже говорил, как у меня накипело на сердце. Однако то, что я увидел, заставило меня похолодеть.

Ролланд Д.Лебэй плакал.

Зрелище было ужасным, гротескным, но более всего — жалким. Однажды, когда мне было девять лет, нашего кота по кличке Капитан Бифхарт сбила машина. Мы повезли его к ветеринару — мама вела нашу машину очень медленно, потому что плохо видела из-за слез, а я сидел сзади с Капитаном Бифхартом. Он лежал в коробке, и я говорил ему, что ветеринар вылечит его, что все будет в полном порядке, но даже маленький девятилетний несмышлениш, каким был я, мог понять, что для Капитана Бифхарта уже ничего не будет в полном порядке, потому что часть внутренностей у него вылезла наружу, перепачкав его кровью и дерьмом, и он умирал. Я попробовал погладить его, и он укусил меня в руку, как раз в чувствительное место между большим и указательным пальцами. Боль была невыносимой, чувство ужаса и жалости от нее только усилилось. Ничего подобного я с тех пор не испытывал... Поймите, я тогда не жаловался, но мне кажется, что людям лучше не иметь воспоминаний о таких чувствах. Если их будет слишком много, то вам не останется ничего другого, как поселиться на какой-нибудь ферме и плести корзинки.

Лебэй стоял на своей уродливой лужайке недалеко от того места, где масляное пятно уничтожило все живое, и держал в руке большой старческий носовой платок, которым то и дело вытирал глаза. От слез на его щеках оставались грязные подтеки — скорее как от пота, чем как от настоящих слез. Кадык судорожно ходил вверх и вниз.

Я не мог смотреть на него плачущего и, отвернувшись, случайно взглянул на его одноместный гараж. Прежде он казался тесным — из-за садового инвентаря и, конечно, других предметов, но главным образом — из-за огромного старого автомобиля с его двойными передними фарами, выгнутому ветровому стеклом и широким капотом. Теперь все вещи, расставленные вдоль стен, только подчеркивали внутреннюю пустоту гаража. Он зиял, как открытый беззубый рот.

Это зрелище ничем не уступало Лебэю. Но когда я посмотрел обратно, старик уже взял себя в руки — по крайней мере с виду. Он перестал утирать глаза и убрал носовой платок в задний карман рейтуз. Правда, его лицо было все еще бледным. Очень бледным.

— Ну вот и все, — проговорил он хрипло. — У меня ее больше не будет, сыночек.

— Мистер Лебэй, — сказал я. — Мне очень хочется, чтобы мой друг поскорее мог сказать то же самое. Если бы вы знали, сколько у него было неприятностей с родителями из-за этой ржавой...

— Убирайся прочь, — произнес он. — Ты говоришь, как безмозглая овца. Только и умеешь что бе-е, бе-е, бе-е и больше ничего. Я думаю, твой друг знает больше, чем ты. Иди и смотри, не нужна ли ему рука.

Я начал спускаться по лужайке к своей машине. У меня не было ни малейшего желания задерживаться у Лебэя хотя бы на одну минуту.

— Ничего, только бе-е, бе-е, бе-е! — злобно прокричал он мне вслед, напомнив старую песенку, которую пели «Янгбладс»: «У меня одна лишь нота, я ору ее до пота». — Ты не знаешь и половины того, что думаешь!

Я сел в машину и поехал прочь. Прежде чем свернуть на Мэйн-стрит, я оглянулся и увидел, что он все еще стоял на своей лужайке и его лысина ярко выделялась в лучах заходящего августовского солнца.

Время показало, что он был прав.

Я не знал и половины того, что полагал известным мне.

5. Как мы съездили к Дарнеллу

*Есть у меня экипаж легковой,
сделанной в 34-м году, —
старой калошей зовем мы его...
Странно, но он до сих пор на ходу!*

«Иэн энд Дин»

Я поехал вниз по Уолнэт-стрит и повернул направо, к Бэйзндрайв. У меня не ушло много времени на то, чтобы увидеть перед собой машину Эрни. С поднятой крышкой багажника она стояла у обочины. Рядом с бампером лежал автомобильный домкрат, каким могли бы пользоваться шоферы во времена Генри Форда. Правое заднее колесо было спущено. Я затормозил, немного не доезжая до Кристины, и не успел выбраться наружу, как из ближайшего дома вразвалку вышла молодая женщина, вполне соответствовавшая скульптурной композиции, выстроенной на газоне перед ее жилищем (два розовых фламинго, четыре или пять маленьких каменных гусят, сгрудившихся вокруг большой каменной гусыни, и по-настоящему великолепная клумба ярких пластиковых цветов, посаженных в пластиковые горшочки). Она нуждалась в весах для крупногабаритных грузов.

— Здесь нельзя сваливать всякую рухлядь, — проговорила она, с трудом справляясь с жевательной резинкой, которой до отказа был набит ее рот. — Ты не имеешь никакого права бросать эти обломки перед моим домом. Надеюсь, ты и сам понимаешь это.

— Мэм, — сказал Эрни. — У меня спустило колесо, вот и все. Я уеду отсюда, как только...

— Ты не имеешь права ставить ее здесь, и я надеюсь, тебе это известно, — повторила она. — Мой муж скоро должен вернуться. Ему не понравится, если всякие обломки будут торчать перед домом.

— Это не обломки, — сказал Эрни, и что-то в его голосе заставило ее отступить на шаг.

— Не разговаривай со мной в таком тоне, сынок, — надменно проговорила толстуха. — Это не нравится моему мужу, а его лучше не выводить из себя.

— Слушайте, — начал Эрни тем же угрожающим и бесцветным голосом, которым день назад разговаривал с Майклом и Региной.

Я крепко схватил его за плечо. Новая стычка была бы лишней.

— Извините, мадам, — сказал я. — Мы уберем ее очень быстро. Так быстро, что вы подумаете, что у вас была галлюцинация.

— Это и к тебе относится, — сказала она и ткнула согнутым пальцем в сторону моего «дастера». — Твоя машина тоже стоит перед моим домом.

Я отогнал «дастер» немного назад. Она понаблюдала за мной, а потом заковыляла обратно к дому, откуда ей навстречу выбежали маленький мальчик и девочка. Они тоже были на удивление пухлыми. В руках они держали по плитке шоколада.

— Фто, фвучиась, ма? — спросил мальчик. — Фто это за мафына, ма? Фто фвучиась?

— Заткнись, — проговорила толстуха и потащила детей обратно в дом.

Мне нравится смотреть на таких просвещенных родителей: это дает мне надежду на будущее.

Я вернулся к Эрни.

— Ну, — произнес я, стараясь казаться остроумным, — у тебя всего лишь спустило колесо? Да, Эрни?

Он вяло улыбнулся.

— У меня небольшая проблема, Дэннис, — сказал он.

Я знал, что это была за проблема: у него не оказалось запаски.

Эрни снова достал бумажник — во мне что-то кольнуло при виде его — и заглянул внутрь.

— Мне нужно купить новую резину, — сказал он.

— Думаю, что помогу тебе избежать этого. У меня есть...

— Не надо. Не хочу начинать подобным образом.

Я ничего не ответил, но оглянулся на свой «дастер». У меня в багажнике лежали две камеры, и мне казалось, что они как раз подходили для такого случая.

— Как ты думаешь, сколько будет стоить «гудиер» или «файрстон», если они новые?

Я пожал плечами и призвал на помощь свой автоматический счетчик, который подсказал мне, что Эрни мог бы купить новую несмятую резину за тридцать пять долларов.

Он вынул две двадцатки и вручил их мне.

— Если будет больше — с налогом и всем прочим, — то я доплачу.

Я грустно посмотрел на него.

— Эрни, сколько недельных заработков ты уже потратил?

Он сощурил глаза и отвел их в сторону.

— Достаточно, — сказал он.

Я решил попытаться еще раз — как я уже говорил, мне было семнадцать лет, и я все еще находился под впечатлением, будто людям можно растолковать то, что представляет их непосредственный интерес.

— Ты уже почти все бабки угрохал на эту машину, — сказал я. — Я не могу спокойно смотреть, как ты по любому поводу лезешь за бумажником. Это уже не жест, а жизненная установка. И она тебя погубит. Прошу, Эрни, подумай еще раз.

Его взгляд окаменел. У него было такое выражение, какого мне не приходилось видеть у него прежде, и, хотя вы, наверное, подумаете, что я был самым наивным подростком в Америке, я не мог припомнить подобного выражения ни на одном другом лице. Меня охватило смешанное чувство удивления и отчаяния — я почувствовал себя так, как мог бы себя почувствовать, если бы внезапно обнаружил, что старался в чем-то убедить парня, который на самом деле оказался лунатиком. Хотя позже я видел такое выражение: оно означает полное отключение. Оно бывает у мужчины, когда ему говорят, что женщина, которую он любит, трахается с кем попало за его спиной.

— Не надо, Дэнни, — произнес он.

Я поднял обе руки.

— Ладно! Все в порядке!

— Можешь не ездить за этой чертовой покрывкой, если хочешь, — с каким-то тупым упрямством добавил он. — Я найду выход.

Я уже собрался ответить и мог бы наговорить кучу грубостей, но внезапно мой взгляд упал на газон, находившийся слева от меня. Там стояли два пухлых ребенка и смотрели на нас. Их пальцы были выпачканы в шоколаде.

— Невелика трудность, — сказал я. — Я привезу покрывку и камеру.

— Только если сам хочешь. Уже довольно поздно.

— Ничего, не волнуйся, — сказал я.

— Мифтер? — сказал маленький мальчик, облизывая пальцы.

— Что? — спросил Эрни.

— Мама сказава, эта мафына кака.

— Да, — подтвердила девочка. — Кака-бяка.

— Кака-бяка? — переспросил Эрни. — Умно, ничего не скажешь. Твоя мама, наверное, философ?

— Нет, — ответила девочка. — Она Каприкорн. А меня зовут...

— Я вернусь как можно быстрее, — сказал я, чувствуя себя неловко.

— Ладно.

— Не волнуйся.

— И ты не волнуйся. Я не собираюсь ни с кем ругаться.

Я побрел к машине. Садясь за руль, я услышал, как девочка спросила у Эрни:

— А почему у вас такое лицо, мистер?

Я проехал полторы мили по Кеннеди-драйв — по словам моей матери, выросшей в Либертивилле, раньше вдоль этой дороги стояли самые престижные жилые дома. Может быть, переименование старой Барксуаллоу-драйв, что было сделано в память о президенте, убитом в Далласе, было довольно неудачным решением, потому что с середины шестидесятых на близлежащих улицах не осталось и следа от бывших жилых строений. Теперь здесь были открытый кинотеатр, где можно было посмотреть фильм, не вылезая из машины, «Макдоналдс», несколько ресторанов и различных офисов. Кроме того, здесь находилось множество станций обслуживания, потому что Кеннеди-драйв выходит на магистраль, ведущую в Пенсильванию.

Купить для Эрни колесо было делом пустяковым, однако первые две станции, попавшиеся мне по пути, оказались теми, что рассчитаны на самообслуживание, и в них не продавали даже моторное масло. На третьей были и камеры, и покрышки, и я смог купить резину, подходившую для «плимута» (мне трудно было назвать машину Эрни — неодушевленную вещь — по имени), всего за двадцать восемь долларов и пятьдесят центов вместе с налогом, но там был только один паренек-рабочий, который взялся поставить камеру с крышкой на обод колеса и накачать его. Операция заняла сорок пять минут. Я предложил парню свою помощь, но тот сказал, что босс убьет его, если узнает об этом.

К тому времени, когда я получил готовое колесо и заплатил парню два бакса за его работу, ранние сумерки превратились в мутно-лиловый августовский вечер. От каждого куста протянулась длинная тень, и, медленно въезжая на улицу, я увидел, как последние солнечные лучи поочередно гасли на верхушках молодых и старых деревьев, окружавших лужайку для игры в шары.

Я сам удивлялся тому паническому страху, который, как огонь по древесному стволу, поднимался все выше к моему горлу. Тогда это чувство охватило меня в первый — непонятный даже для того странного года, — но не в последний раз. Мне трудно назвать причину моего состояния. Может, оно было связано с тем, что кончалось 11 августа 1978 года и через месяц начинался последний учебный год в школе, а значит — заканчивался самый долгий спокойный период моей жизни. Нужно было становиться взрослым, и, может быть, я каким-то образом подсознательно убеждался в этой печальной необходимости, глядя на поток золотых солнечных лучей, стремительно таявших в высоких кронах деревьев. Мне

кажется, что я понял тогда: люди потому боятся взрослеть, что не хотят расставаться с маской, к которой они привыкли, и примерять другую. Если быть ребенком — значит учиться жить, то становиться взрослым — значит учиться умирать.

Чувство подавленности и страха вскоре прошло, но после него я ощутил себя разбитым и усталым. Никакое другое состояние не бывает столь обычным для меня.

Разумеется, мое настроение ничуть не улучшилось, когда я увидел, что муж толстухи и в самом деле вернулся домой и что Эрни стоял нос к носу с ним, явно готовясь начать потасовку.

Двое ребятишек молча сидели поодаль, поглядывая то на Эрни, то на Папу, точно зрители некоего апокалипсического теннисного матча, где проигравшего должны были с радостью растерзать. Казалось, они ждали того момента, когда Папа набросится на моего тощего друга, повалит на землю, а потом начнет отплясывать какой-нибудь бешеный танец на его поверженном теле.

Я подрулил к ним и поспешил выйти из машины.

— Ты меня слышишь? — ревел Папа. — Убери ее — и немедленно!

Его нос почти светился в сумерках. Щеки тоже пылали, а под воротником рабочей спецовки веревками вздулись крупные вены.

— Я не собираюсь ехать на ободах, — сказал Эрни. — Я же сказал. На своей вы бы не поехали.

— Ты у меня поедешь на ободах, Прыщавая Рожа, — прорычал Папа, явно намереваясь показать детям, как настоящие взрослые должны решать свои проблемы. — Не надо было ставить эти вонючие обломки перед моим домом. Убирай — или будешь плакать, детка.

— Никто не будет плакать, — сказал я. — Успокойтесь, мистер. Объявляется брэйк.

Глаза Эрни благодарно скользнули по мне, и я понял, как он был напуган. Вечный рохля, он часто попадал в ситуации, когда сверстники или старшие стремились выжать из него все соки. Должно быть, он и сейчас не ждал для себя ничего хорошего — но в этот раз не поддался.

Глаза мужчины тяжело уставились на меня.

— Еще один, — проговорил он, будто удивляясь тому, что в мире так много настырных задниц. — Вам обоим не терпится схлопотать? Не сомневайтесь, я могу вам это устроить.

Да, я знал таких типов. Если бы ему было лет на десять меньше, он вполне мог быть одним из тех школьников, которые считали ужасно уморительной шуткой выбить из рук учебники или во всей одежде вголкнуть под душ, не выключенный после урока физкультуры. Они никогда не меняются, эти ребята. Они просто становятся старше и зарабатывают рак легких, потому что курят слишком много дешевых «Лаки страйк», или умирают от закупорки сосудов лет в пятьдесят пять.

— Нам не терпится поменять колесо, — сказал я. — У него лопнула камера. У вас никогда не лопалась камера?

— Ральф, я хочу, чтобы они убрались отсюда! — свиноподобная супруга Папы стояла не пороге. Ее голос дрожал на высокой ноте. Это было лучше, чем шоу Филадельфии. Несколько соседей подошли поближе, чтобы проследить за развитием событий, и я опять с тоской подумал, что если кто-нибудь еще не вызвал полицию, то скоро непременно сделает это.

— У меня никогда не лопалась камера так, чтобы я на три часа оставлял кучу обломков перед чужим домом! — громко сказал Ральф.

— Прошел один час, — заметил я, — если не меньше.

— Лучше заткнись, детка, — сказал Ральф. — Не выношу таких болтунов, как ты. Я зарабатываю на жизнь. Я прихожу домой усталым и поэтому не хочу вступать в дискуссии. Я хочу, чтобы ее здесь не было — и все.

— У меня в багажнике есть запаска, — сказал я. — И нам нужно только лишь поставить ее...

— И если бы у вас было хоть немного понятия о поведении в обществе... — горячо начал Эрни.

Дело было почти сделано. Если в чем-нибудь наш приятель Ральф не собирался быть оспоренным в присутствии своих детей, так это его поведение в обществе. Он замахнулся на Эрни. Не знаю, чем это могло кончиться для Эрни — вероятно, полицией и конфискацией его драгоценного автомобиля, — но каким-то образом я успел схватить Ральфа за запястье.

Маленькая свиноподобная девочка завизжала и заплакала. Маленький свиноподобный мальчик замер с широко открытым ртом. Эрни, который в школе пробегал накуренное место со скоростью охотничьего пса, даже не моргнул глазом. Он явно хотел, чтобы это случилось.

Ральф повернулся ко мне — его взгляд обжигал ненавистью.

— Ну ладно, маленькое дерьмо, — прошипел он. — Ты не первый.

Я напряг силы и удержал его руку.

— Не надо, дружище, — негромко сказал я. — Запаска в багажнике. Дай нам пять минут, чтобы поставить ее и убрать с твоих глаз. Пожалуйста.

Через какое-то время удерживать его запястье стало немного легче. Он оглянулся на детей — маленькая девочка всхлипывала, а маленький мальчик смотрел на него широко раскрытыми глазами — и наконец принял решение.

— Пять минут, — согласился он и, опустив руку, бросил злобный взгляд на Эрни. — Тебе чертовски повезло, что я не вызвал полицейских. Они здесь забыли, что такое инспекция, и пускают в ход дубинки, когда им вздумается.

Я ожидал, что Эрни опять скажет какую-нибудь дерзость, но, вероятно, он забыл не все, что знал о благоразумии.

— Извините, — произнес он. — Я погорячился.

Ральф снова оглянулся на детей.

— А ну, живо домой! — заорал он. — Чего вам здесь нужно? А-та-та хотите?

Дети вскочили с земли и побежали домой.

— Пять минут, — повторил он, недобро взглянув на нас.

Позже вечером, сидя за столом со своими друзьями и потягивая холодное пиво, он мог бы рассказать им, как твердо держал себя с этим поколением наркоманов и сексуальных маньяков: «Да, ребята, я сказал им, чтобы они убирались прочь от моего дома, пока я не сделал им а-та-та. И вы не поверите, с какой скоростью они подхватили свой дерьмовый драндулет и пустились бежать без оглядки». А потом он мог бы закурить «Лаки страйк» или «Кэмэл».

Разумеется, домкрат Лебэя не годился ни к черту, и мне пришлось сходить за своим. Мы приподняли «плимут» (несколько ужасных секунд мне казалось, что задний покореженный бампер вот-вот оторвется от проржавевшего кузова) и сняли старое колесо. Затем мы поставили новое, затянули крепежные гайки и опустили домкрат. Я с облегчением взглянул на машину, снова стоявшую на дороге. И тут ко мне вернулось чувство, которое я испытал в гараже Лебэя. Мой взгляд упал на новую шину «файрстон», высывавшуюся из-под правого

заднего крыла. На резине еще оставались заводские наклейки и яркие желтые отметки, нанесенные мелом парня со станции техобслуживания.

Я вздрогнул: передать чувство какой-то фатальности, овладевшее мной, было бы невозможно. Это было так, точно я увидел змею, которая сбрасывала старую кожу и уже начинала вылезать из нее, поблескивая новой чешуей.

Ральф стоял в дверях дома, посматривая на нас. В одной руке он держал гамбургер, а в другой — банку пива.

— Ну, как тебе этот парень? — шепнул я Эрни, бросая в багажник его испорченный домкрат.

— Настоящий Роберт Рэдфорд, — пробормотал он, и мы оба рассмеялись — как люди, вырвавшиеся из довольно напряженной ситуации. Нам требовалась какая-нибудь разрядка. Эрни был похож на ребенка, которому попала смешинка в рот.

— Над чем это вы, подонки, смеетесь? — взревел Ральф. Он вышел на крыльцо. — А? Вы хотите, чтобы у вас от смеха был рот до ушей? Подождите, сейчас я вам это устрою!

— Быстро сматываемся, — бросил я Эрни и опрометью бросился к своему «дастеру». Я все еще не мог удержаться от смеха, он лишь сильнее разбирал меня. Я упал на переднее сиденье и включил двигатель. «Плимут», стоявший впереди, взревел и окутался синим облаком выхлопных газов. Но даже сквозь его грохот я мог слышать, как хохотал Эрни, который, судя по всему, был близок к истерике.

Ральф, ругаясь, шел через газон. В руках он все еще держал гамбургер и пиво.

— Над чем вы смеетесь, уроды? А?

— Ты, козел! — триумфально прокричал Эрни, и «плимут» подался вперед, отсалютовав очередью оглушительных выстрелов. Я нажал на газ и резко крутанул руль, чтобы избежать столкновения с Ральфом, который явно намеревался совершить убийство. Я все еще смеялся, но это был уже нездоровый смех. Теперь он больше походил на стон.

— Я убью тебя, урод! — ревел Ральф.

Я снова нажал на акселератор и, проезжая мимо Ральфа, показал ему конфигурацию из кулака и вытянутого среднего пальца.

— На, выкуси! — прокричал я.

Он пытался догнать нас: несколько секунд он бежал по дороге, потом остановился и швырнул вслед недопитую банку с пивом.

— Что за безумный день, — чуть позже сказал я вслух и испугался своего голоса, дрожавшего, как от слез. У меня во рту был соленый привкус. — Что за безумно хреновый день.

Гараж на Хемптон-стрит представлял собой вытянутое здание со стенами из рифленого железа и грязной рифленой крышей. Спереди красовалась броская надпись: ЭКОНОМЬТЕ ДЕНЬГИ! ВАШИ ТЕХНОЛОГИИ, НАШИ ИНСТРУМЕНТЫ! Ниже была другая надпись, сделанная буквами поменьше: Аренда стоянки в гараже на неделю, на месяц, на год.

На заднем дворе Дарнелл устроил свалку старых автомобилей. Она была окружена теми же листами рифленого железа пятифутовой высоты, из которых состояли стены и крыша гаража.

Я слышал, что Уилл Дарнелл был связан с торговлей наркотиками, процветавшей в колледжах и школе Либертивилла, а еще я слышал, что он был на короткой ноге с некоторыми темными людишками из Питсбурга и Филадельфии.

Я не совсем верил этим слухам, но знал, что если вам нужны были дымовые шашки или ракеты на Четвертое июля, то вы могли купить их у Дарнелла. Кроме того, мой отец говорил, что двенадцать лет назад, когда мне было всего пять лет, Дарнелла обвинили как соучастника в кражах автомобилей, которые после перекраски продавались в Нью-Йорке. Постепенно эти обвинения забылись, но отец утверждал, что Уилл Дарнелл был замешан и в других махинациях — от разграбления проезжих трейлеров до подделки драгоценностей.

Держись подальше от этого места, Дэннис, сказал мой отец всего год назад, а вскоре моя первая развалюха потребовала двадцать долларов за стоянку в гараже Дарнелла, где я пытался заменить карбюратор. Эксперимент закончился полной неудачей.

Держись подальше от этого места, вспомнил я предостережения моего отца, когда в сумерках въезжал следом за Эрни в главные ворота гаража. Свет передних фар выхватывал разбросанные автомобильные части, обломки кузовов и инструменты, и от их хаотического нагромождения я почувствовал себя еще более подавленным, чем прежде. Я вспомнил, что не позвонил домой, и подумал, что отец с матерью уже давно интересуются, в каком проклятом месте я могу так долго пропадать.

Эрни притормозил перед большой дверью, над которой было намалевано: СИГНАЛИТЬ ДЛЯ ВХОДА. Рядом с ней находилось небольшое окошко, зашторенное и освещенное изнутри. Мне захотелось уговорить Эрни уехать отсюда и оставить машину на одну ночь возле моего дома. Я живо представил, как мы вваливаемся к Уиллу Дарнеллу и его друзьям, пересчитывающим краденые цветные телевизоры или перекрашивающим угнанные «кадиллаки».

Эрни вышел из машины и подошел ко мне. Он выглядел смущенным.

— Дэннис, ты не можешь посигналить вместо меня? — спросил он. — Кажется, у Кристины не работает гудок.

— Конечно.

— Спасибо.

Я дважды просигналил, и вскоре большая дверь гаража отворилась. В дверном проеме стоял сам Уилл Дарнелл. Он поманил Эрни, и «плимут» въехал внутрь. Я развернул свою машину, выключил двигатель и последовал за ними.

Было уже довольно поздно, и под высокими сводами стоял полумрак. Вдоль стен тянулись длинные стеллажи с инструментами, которые могли вам пригодиться, если у вас не было собственных. Потолок был перегорожен несколькими стальными брусками.

Всюду белели надписи: ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЕРНУТЬ ИНСТРУМЕНТ — ПРОВЕРЬ ЕГО И ПРИВЕДИ В ПОРЯДОК; или: ОПЛАТИТЕ СТОЯНКУ ЗАРАНЕЕ; или: КРАЖА И ПОРЧА ИНСТРУМЕНТА НЕ РЕКОМЕНДОВАНА. Были дюжины других объявлений: куда бы вы ни повернулись, одно или два из них обязательно бросались вам в глаза. Уилл Дарнелл был большим любителем надписей.

— Двадцатая стоянка! Двадцатая! — орал Дарнелл на Эрни. — Ставь ее туда и глуши, пока мы все не задохлись!

«Мы все» относилось к группе людей, сидевших за карточным столом в дальнем углу помещения. Они смотрели на новое приобретение Эрни с удивлением и отвращением.

Эрни подогнал машину к двадцатой стоянке, припарковал и выключил мотор. Сизое облако выхлопных газов стало медленно рассеиваться.

Дарнелл повернулся ко мне. Он был одет в матросскую блузу и брюки цвета хаки. Складки жира свисали над ремнем и под подбородком.

— Детка, — произнес он своим скрипучим голосом, — если это ты продал ему такой кусок дерьма, то тебе должно быть стыдно за себя.

— Это не я продал. — По какой-то абсурдной причине я решил, что должен был оправдываться перед этим жирным бороваком, как не оправдывался даже перед собственным отцом. — Я пробовал отговорить его.

— Тебе нужно было быть настойчивей.

Он пошел туда, где стояла машина Эрни. Несмотря на астму, Дарнелл двигался плавной, почти женственной походкой человека, который долгое время страдал от излишнего веса и подобную перспективу видел перед собой в будущем. И, несмотря на астму, он принялся орать на Эрни, когда тот еще не успел повернуться к нему лицом.

Как ребята, курившие в школьных коридорах, как Ральф с Бэйзн-драйв и как Бадди Реппертон (боюсь, нам скоро придется поговорить о нем), он сразу невзлюбил Эрни — это была, так сказать, ненависть с первого взгляда.

— Эй, какого хрена ты снова пригнал свой драндулет, да еще без шланга? — кричал он. — Еще раз, и тебя здесь больше не будет, ясно?

— Да, — Эрни вобрал голову в плечи. На этот раз у него не было сил сопротивляться. — Я...

Дарнелл не дал ему договорить.

— Тебе нужен шланг для выхлопных газов, он стоит два пятьдесят в час, если заплатишь вперед. И я скажу тебе кое-что еще, мой молодой друг. Хватит мне дерьма от таких умников, как ты. Это место для работы, а не для всякого хлама. Я не разрешаю курить здесь. Если захочешь подыметь, то ступай на задний двор.

— Я не...

— Не перебивай меня, сынок. Не перебивай, а слушай, — сказал Дарнелл.

Теперь он стоял прямо перед Эрни, высокий и тучный. Эрни выглядел жалко.

Я снова начал выходить из себя. Не помню, сколько раз это случалось со мной с тех пор, как мы подъехали к дому Лебэя и увидели, что проклятого «плимута» на лужайке не было.

Дети — угнетенный класс; за несколько лет вы полностью усваиваете манеру бедного дяди Тома и послушно склоняете голову перед такими детоненавистниками, как Уилл Дарнелл: да, сэр, нет, сэр, ладно, хорошо.

Я схватил Дарнелла за руку:

— Сэр!

Он повернулся ко мне. Я заметил за собой, что чем меньше люблю взрослых, тем с большей готовностью говорю им «сэр».

— Что?

— Вон там люди курят. Попросите их бросить сигареты.

Я показал на парней, сидевших за столом. Над ними висело облако табачного дыма.

Дарнелл посмотрел на них, а затем снова на меня. Его лицо было очень мрачным.

— Юноша, ты стараешься сделать так, чтобы твой приятель вылетел отсюда, как пробка?

— Нет, — сказал я. — Сэр.

— Тогда заткни свою мычалку.

Он опять повернулся к Эрни и продолжил:

— Я умею отличать машину от кучи металлолома. Тебе предстоит испытание, детка. Не знаю, сколько ты будешь с ней возиться и во что тебе это обойдется, но клянусь, я выверну

тебя наизнанку.

Какая-то тупая ярость охватила меня. Я мысленно умолял Эрни съездить по морде этому жирному борову так, чтобы потом нам пришлось во все лопатки удирать отсюда и больше не думать появляться здесь. Вероятно, картежники Дарнелла не остались бы в стороне от такого поворота дел, и этот очаровательный вечер скорее всего для нас закончился бы в приемном покое больницы Либертивилла... но это стоило того.

«Эрни, — мысленно говорил я, — скажи ему, чтобы он заткнулся, и давай уберемся отсюда. Не поддавайся ему, Эрни. Не давай делать из себя дерьмо. Не будь рохлей, Эрни, — если ты выстоял перед своей матерью, то сможешь выстоять и перед этой самодовольной задницей. Только в этот раз не будь рохлей».

Эрни долго молчал, опустив голову, а потом сказал:

— Да, сэр.

Эти слова он произнес так тихо, что их почти не было слышно.

— Что ты сказал?

Эрни поднял глаза. Его лицо было смертельно бледным. В глазах стояли слезы. Я не мог их видеть и отвернулся. Картежники прервали игру и наблюдали за тем, что происходило на двадцатой стоянке.

— Я сказал: да, сэр, — наконец произнес Эрни дрожащим голосом.

Он как будто только что подписал свой смертный приговор. Я опять взглянул на «плимут», который стоял рядом вместо того, чтобы быть выброшенным на свалку, находившуюся на заднем дворе. Я все больше ненавидел его за то, что он делал с Эрни.

— Хорошо, убирайтесь отсюда, — сказал Дарнелл. — Мы закрываемся.

Эрни побрел прочь, ничего не видя перед собой. Он бы наткнулся на гору старых покрышек, если бы я не схватил его за руку. Дарнелл подошел к карточному столу. Усевшись за него, он что-то проговорил своим скрипучим голосом. Его приятели разразились дружным хохотом.

— У меня все в порядке, Дэннис, — сказал Эрни, как будто я его спрашивал. Он сжал губы, а потом еще раз сказал: — У меня все в порядке. Поехали домой, Дэннис. У меня все в порядке.

Он был моим другом, но я готов был возненавидеть его. Мы вышли в прохладную темноту. За нами шумно захлопнулась дверь. Так мы отвезли Кристину в гараж Дарнелла. Неплохая поездка, а?

6. Возвращение

*Я купил автомобиль,
четырехколесный ад,
и могу сказать вам всем:
поцелуйте меня в зад.*

Гленн Фрей

Мы сели в мою машину, и я вырулил со двора. Странно, но было уже девять часов. Вот так летит время, когда вы заняты чем-нибудь приятным. В небе сиял полукруглый месяц. Рядом с ним я не заметил ни одной звезды, может быть, потому, что мне было не до них.

Первые два или три квартала мы проехали в полном молчании, а потом Эрни вдруг разразился рыданиями. Я ожидал чего-нибудь подобного, но его отчаяние и безутешность испугали меня.

Я сразу сдался. Ему не нужны были мои слова. И то, что я сначала принял за его реакцию на испытанное унижение, на самом деле оказалось чем-то более глубоким. Горько всхлипывая и размазывая слезы по лицу, он то и дело бормотал какие-то слова, которые я постепенно стал понимать.

— Я доберусь до них, — шептал он между всхлипами и стонами. — Я доберусь до этих сукиных детей, Дэннис. Я заставлю их пожалеть... Я заставлю их съесть это... СЪЕСТЬ ЭТО... СЪЕСТЬ!

— Ну перестань, — не выдержал я. — Эрни, остановись.

Однако он не желал останавливаться. Зарыдав еще громче и заскрежетав зубами, он принялся стучать кулаками по приборной доске моего «дастера». От таких ударов вполне могли остаться заметные следы.

— Увидишь, я доберусь до них!

Озаренное бледным светом луны и мелькающими уличными огнями, его лицо казалось таким исступленным и диким, точно рядом со мной находился какой-то одержимый колдун. Таким я его не знал. Эрни куда-то сгинул, ушел скитаться в каких-то холодных далях, которые Бог ради собственных развлечений сотворил для таких людей, как он. Таким я не хотел его знать. И я мог только лишь беспомощно сидеть и надеяться, что Эрни, которого я знал, когда-нибудь вернется. А это произошло не скоро.

Наконец истерика опять сменилась рыданиями. Ненависть прошла, и теперь он только плакал. Его всхлипы и стоны были еще безутешнее, чем раньше.

Я сидел за рулем своей машины, не зная, что мне делать. Я бы хотел сейчас очутиться в каком-нибудь другом месте — хоть в банке, где мне почему-то объявили о закрытии моего счета, или перед платным туалетом, страдая от поноса и не имея ни одного цента в кармане. Пусть это было бы не Монте-Карло. Но пусть я был бы старше. И еще лучше — не я, а мы оба.

Впрочем, я знал, что нужно делать. Неохотно, не желая делать этого, я повернулся к нему и, обняв одной рукой, прижал его к себе. Его горячее и мокрое лицо уткнулось мне в грудь. Так мы сидели минут пять, а потом я подвез его к дому и высадил там. После этого я поехал к себе. Позже мы ни разу не вспоминали о том, как я обнимал его. Нас никто не видел, но полагаю, что со стороны мы выглядели как парочка гомиков. Я обнимал его и не

мог понять, почему так случилось, что я был единственным другом Эрни. Поверьте, тогда он был почти противен мне.

И как раз тогда я — впервые и еще неосознанно — подумал, что, может быть, Кристина тоже станет его другом. Не уверен, что мне это пришлось бы по нраву, особенно после того, как мы целый день мучились с ней.

Когда мы подъехали к обочине возле его дома, я сказал:

— С тобой все будет в порядке, Эрни?

Он принужденно улыбнулся:

— Да, со мной все будет в порядке. — Его глаза грустно посмотрели на меня. — Дэннис, тебе надо было вступить в какую-нибудь благотворительную организацию. В фонд безработных, а может, в Общество по борьбе с раковыми заболеваниями. Во что-нибудь такое...

— Ах, брось ты.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Если ты имеешь в виду, что ты рохля, то мне это известно.

Из передней двери дома вырвался сноп света, а из него опрометью вылетели Майкл и Регина, — вероятно, они были готовы увидеть полицейских, приехавших сообщить им, что их сын попал в дорожную катастрофу.

— Арнольд? — громко позвала Регина.

— Ну, пока, Дэннис, — проговорил Эрни, теперь уже по-настоящему грустный. — Уезжай, хватит тебе дерьма на сегодня. — Он вылез из машины и покорно произнес: — Привет, мам. Привет, пап.

— Где ты был? — спросил Майкл. — Молодой человек, вы хоть знаете, как перепугана ваша мать?

Эрни был прав. Я мог обойтись без сцены воссоединения семьи. Развернув машину, я увидел в зеркальце, как они набросились на него, обреченно дожидавшегося своей участи, и смешно потащили к месту расправы. В их целеустремленных действиях не было ни одного резкого движения или необдуманного жеста. Они заботились о том, чтобы не причинить ему вреда, — он был вещью, сохранностью которой они дорожили больше всего на свете.

Я включил радио. На ультракоротких волнах все еще продолжалась программа рок-уик-энд, и «Силвер баллей бэнд» пели песню, которая называлась «Все то же самое». Слушать ее мешали помехи в эфире, и я настроил приемник на матч с Филадельфией.

Филадельфия проигрывала. Можно было спокойно ехать домой.

[Купить полную версию книги](#)

Человек, путешествующий автостопом. — *Примеч. пер.*